

В Грозном появилось такси

НАД рядами зеленых палаток несло истощенное: "Укра-а-али!" И еще что-то на чеченском. "Кого украли?" - "Невесту укра-а-али..." - "Ух... Дура, а зачем так кричишь?" Чуть было не поглотившая палаточный лагерь беженцев паника прекратилась сама собой. На вопрос "Догонят ли?" присевший в тени старик флегматично ответил: "Это неважно. Потом туда калым, сюда калым, и свадьбу играть будем".

По словам замначальника Федеральной миграционной службы МВД России Игоря Юнаша, в Ингушетии еще недавно числилось около 140 тысяч "внутриперемещенных" граждан, а попросту - беженцев из Чечни. Почти половина из них жила в палаточных лагерях - "Белле", "Спутнике", "Саците". Проверки, которые провела миграционная служба, показали, что беженцев в Ингушетии на самом деле меньше. Благодаря припискам гуманитарную помощь получали другие люди.

НО В ЛАГЕРЯХ продолжают ютиться тысячи семей. В небольших палатках холодно зимой и невыносимо жарко летом. Проведен газ, но вода - только из крана в конце лагеря, туалеты - на улице, медпункт - в маленьком вагончике. "Я уже два раза собиралась уехать в Грозный, - рассказывает чеченка Роза, прибираясь в своей потрепанной за три зимовки палатке (сейчас внутри почти плюс 50.) - Даже заявление писала в миграционную службу, чтобы помогли вещи перевезти. Но в последний момент отказалась - не могу, боюсь..." У Розы двое детей: шестнадцатилетний сын Осман и четырнадцатилетняя дочь Розита. "Так и снится, что дочь солдаты уводят. Просыпаюсь в слезах. И сына могут убить - не федералы, так боевики". А соседка Розы, вытаскивая из пыли двух карапузов-сыновей, добавляет: "Мы трудностей не боимся. Вернемся и дома свои восстановим. Хоть в землянках сначала жить будем. Работу с мужем найдем. Он хороший водитель, сейчас в Назрани на маршрутке работает. Лишь бы не стреляли".

Тем временем в Грозном редкая ночь обходится без стрельбы - отморозки палат по постам и ставят фугасы. Но люди возвращаются и несут с собой мирную жизнь, строят дома. Кое-где уже работают кафе, играет музыка. В центре города можно поймать такси. Официально в Чечне нет ни одной заправочной станции, но машин с каждым днем становится все больше. "Друг, где заправляешься?" - "У соседа, но у него плохой бензин стал. Завтра на другую улицу поеду".

Забурившись метров на тридцать, нефть можно добывать даже в Грозном. Зато воду в город приходится привозить в бочках. Нет ее в кранах и в пунктах временного размещения, куда приезжают беженцы. За последние два месяца миграционная служба помогла переехать почти 2 тысячам человек. Один из таких пунктов находится в Октябрьском районе столицы Чечни. Его круглосуточно охраняют бойцы из местной милиции. Пятиэтажное общежитие, где живут уже около 800 переселенцев, - единственное здание в округе, полностью восстановленное после войны. В отличие от соседних развалин на нем нет даже отметин от пуль.

По словам пожилого чеченца Имрана, который только вчера приехал сюда с женой Тамарой, это даже странно. А Тамара после трех лет жизни в лагере не может нарадоваться на покрашенные стены и белый потолок своей небольшой комнатки: "Намного лучше, чем в палатках". Но Иван Бондарев, пожилой крановщик-строитель, не скрывает своего разочарования: "Я до войны полгорода построил, а теперь вот - в общаге..." И резким "Не трюнди" пытается заткнуть рот супруге. А та во что бы то ни стало хочет донести до заезжих гостей свое: "Путину, Путину передайте, что здесь 37 человек, не только русские, хотят уехать в Россию, в деревню какую-нибудь, пусть даже заброшенную..."